

Причины гибели корреспондентов в Южной Осетии - безответственность и российское оружие

Для журналистов грузино-южноосетинский конфликт был, наверное, самым тяжелым за два последних десятилетия. Если учесть скоротечность войны, то потери среди наших коллег значительны.

Четыре журналиста убиты: Александр Климчук (внештатный сотрудник ИТАР-ТАСС), Григол Чихладзе ("Русский Newsweek"), член съемочной группы из Голландии — телеоператор Стан Сториманс (Stan Storimans). Имя одного не сообщается. Двенадцать журналистов ранены: Петр Гассиев (НТВ), Александр Сладков, Леонид Лосев и Игорь Уклеин ("Вести"), Александр Коц ("Комсомольская правда"), Уинстон Федерли (газета The Messenger), Теймураз Кикурадзе (переводчик The Messenger), двое турецких журналистов — Ресеп Озтурк и Гурай Ирвин Секинц, корреспондент Йероен Аккерманс (Jeroen Akkermans), корреспондент израильской газеты Цадок Йехезкели. Легкое ранение в прямом эфире получила корреспондентка грузинского телевидения Тамара Урушадзе. Редакции хотелось поговорить о мерах безопасности, которые следует соблюдать журналистам на войне, не касаясь поведения и миссии журналистов. Однако удержаться от оценок коллегам оказалось трудно, так что в результате на эту тему взято два интервью.

Директор Центра экстремальной журналистики Олег Панфилов:

— Олег, вы знаете, при каких обстоятельствах погибли журналисты в Грузии?

— Журналисты находятся в гуще событий, на поле боя, и они погибают, как солдаты и мирные жители. Известно, что все трое погибли от российского оружия. Трудно определить, из какого оружия были ранены журналисты. Первые раненые журналисты пострадали от оружия грузинской армии, когда находились в расположении российской армии. К сожалению, российские журналисты пренебрегают мерами безопасности и передвигаются на военной технике. Тогда как главные правила поведения журналистов на войне: не надевать армейскую форму, не брать оружия в руки, не пользоваться армейской техникой. Среди нарушителей и такой опытный журналист Российского телевидения, как Александр Сладков. О чем говорить! Он принял именную пистолет от генерала Шаманова, что противоречит всем этическим нормам журналистики. После того как боевые действия закончились и грузинская армия отступила, много журналистов пострадало при попытке проникнуть на территорию Грузии, оккупированную российской армией, в Горийский район, Мегрелию и город Поти. Их грабили, избивали, отбирали у них оборудование. Таких случаев были десятки.

— Это были российские журналисты?

— Российских журналистов уже не было. Они перестали интересоваться работой на грузинской стороне. Хотя я знаю, что журналисты из России, в основном пишущие, находились в Тбилиси. Пострадали, по большей части, иностранные журналисты и грузинские. Люди в военной форме нападали на них, угрожая оружием.

— Получается, что таким образом проявилось желание воспрепятствовать освещению событий в зоне оккупации?

— Конечно. В этой зоне происходило мародерство, и такие факты были все же зафиксированы. Журналисты могли бы быть невольными свидетелями.

— С российской стороны журналисты, кажется, работали?

— Возможно, я там не был. Я был в Тбилиси и говорю, что с этой стороны проникнуть в зону оккупации было невозможно. Более того, российские военные стали предъявлять абсурдные требования аккредитации министерства иностранных дел для журналистов, которые хотели приехать в Горийский район. Причем тут российский МИД на территории Грузии?

— **Расскажите подробнее, как погибли журналисты?**

— Голландский журналист погиб в центре Гори на площади Сталина от взрыва кассетной бомбы 12 августа. Два грузинских журналиста: Гига Цахвадзе и Александр Пинчук — были расстреляны 8 августа. Они ехали четвером, и люди, которые были с ними рассказали, что, увидев на дороге вооруженную группу, Гига вышел и поздоровался на грузинском языке, а в ответ раздалась автоматная очередь. Это были осетинские ополченцы.

— **Журналисты пренебрегли какими-то мерами безопасности?**

— Нет, они просто оказались в зоне конфликта, а со стороны вооруженных людей это было намеренное убийство.

— **Во время одной из дискуссий, желая продемонстрировать оперативность агентства, главный редактор "Росбалта" Ольга Крупенья рассказала историю о "геройском" поведении своего обозревателя Яны Амелиной, которая уведомила редакцию о поездке в Южную Осетию прямо из аэропорта. Вполне возможно, что у нее не было никаких бумаг, ни средств защиты, она не получила инструкций, как себя вести в зоне конфликта. Как вы считаете, нужно ли было редакции "Росбалта" принять ряд мер, чтобы обеспечить безопасность журналистки, прежде чем отпускать ее в столь опасную командировку?**

— А никаких средств защиты нет. Есть только рекомендации, разработанные военными журналистами. Дело не в этом, как себя вести журналисту на войне, неопытный человек может свалиться и в канализационный люк. Дело в том, что в ходе этого конфликта мы получили чудовищный результат, который прогнозировался восемь лет назад, когда стали возрождаться традиции советской пропаганды. Пропаганда не знает, что произошло, она знает только одну точку зрения на происходящее. В результате мы имеем одуроченное общество. Я думаю, ситуация изменится только тогда, когда появятся альтернативные источники информации. Эту возможность представляет Интернет, но у большинства населения доступа к нему нет.

— **Какие все-таки существуют обязательства редакций перед журналистами, посылаемыми в зону военных действий?**

— Мне представляется, что руководство СМИ должно застраховать своих сотрудников, но законом это не предусмотрено. Других обязательств я не знаю. Мы этим не занимаемся, у нас исследовательская организация.

— **Еще какие-то уроки этот конфликт преподнес?**

— Эта война ничем не отличалась от другой, в том числе от Чеченской. Но есть и своя особенность: засилье оголтелой российской пропаганды, искажающей суть происходящего.

— **Вы могли бы привести какие-то факты?**

— Все обвиняют Саакашвили в нападении на Южную Осетию. А кто-нибудь знает, что было до этого? Как российские войска обстреливали деревни, взрывали машины? Нет, это невыгодно. Пропагандист пишет только то, что хочет начальник. Журналист же должен знать причины конфликта, а если он их не знает, то не имеет права писать.

— **Вы хотите упрекнуть российских коллег в необъективности?**

— Я не могу упрекать пропагандистов, они для этого и существуют. То есть большинство людей, которые называют себя журналистами, прежде всего на российском телевидении, на самом деле являются пропагандистами. Пропагандой забит весь эфир. Например, когда я находился в Грузии, по российскому телевидению показывали репортаж о спасенных этнических русских из Зугдиды. В нем говорилось, что 17 русских, которых унижали грузины, вывезли на территорию Абхазии. Но в кадре показали только одну алкоголичку, которая говорила об унижениях. Я потом стал спрашивать людей оттуда, действительно ли у них были проблемы, мне сказали, что, во-первых, русских у них никогда столько не было, а во-вторых, стыдно говорить о каких-то русско-грузинских конфликтах, потому что в каждом пятом грузине есть капля русской крови. Таким образом постоянно, с утра до вечера нагнеталась антигрузинская истерия.

— **А какие неточности вы можете отметить в освещении российскими журналистами военных событий?**

— Я не был в районе боевых действий, не могу ничего на этот счет сказать.

— Вы считаете, в России вообще нет свободной прессы?

— Есть свободная пресса в провинции, там журналисты работают по совести и за небольшие деньги, им, кроме своих цепей, терять нечего. А большую часть журналистов готовили, как специалистов по пропаганде, на основе старых советских программ. Государственных СМИ вообще не должно существовать, потому что там работают служащие, которые выполняют работу за деньги. Институт прессы умирает, и в ближайшее время его не возродить.

Президент Ассоциации военной прессы Геннадий Дзюба:

— Геннадий, у вас за плечами большой опыт организации взаимодействия армии и журналистов. Скажите, для освещения военных событий нужна ли какая-то аккредитация при Министерстве обороны РФ?

— Нужна. В армии любого государства для допуска журналистов на военные объекты требуется аккредитация Министерства обороны. При проведении боевых действий или спецопераций вводятся режимные ограничения. В случае каких-то чрезвычайных ситуаций необходимо обратиться с просьбой об оказании содействия в пресс-службы ведомств, отвечающих за проведение конкретной операции. Это необходимо для того, чтобы в войска ушли соответствующие указания и на месте военные смогли разобраться: кто здесь журналист, а кто разведчик.

— Зачем на территории Грузии наши военные требовали от журналистов аккредитацию Министерства иностранных дел России?

— Так как иностранные журналисты при въезде в Южную Осетию со стороны Рокского тоннеля, то есть с территории России изначально должны были иметь аккредитоваться при МИДе РФ. Эта аккредитация подтверждает, что конкретный журналист является представителем масс-медиа. Журналисты же, въезжавшие в зону конфликта со стороны Гори должны были иметь аккредитацию МИДа Грузии. Таким путем проехали и наши журналисты телекомпании "Russia today". Но потом грузинские силовики у них отобрали камеру и кассеты. Проблемы допуска иностранных журналистов в первые дни военного конфликта на территорию Южной Осетии существовали. Но мне лично неизвестно, что они предпринимали, чтобы попасть в зону боевых действий, в какие пресс-службы обращались.

— Как по-вашему, в гибели двух расстрелянных журналистов есть какая-то доля их вины?

— Конечно, есть. Попав в зону конфликта между грузинами и осетинами, один из них, по моим сведениям, Александр Климчук, не разобравшись, кто есть кто, заговорил на грузинском языке. Он пошутил, хотел снять напряжение, думая, что находится в зоне грузинских войск, а это оказались осетинские ополченцы. В ответ на грузинскую речь они открыли огонь. Приветствие на языке одной из конфликтующей стороны явилось неосознанной провокацией. Журналист в данном случае проявил некомпетентность, надо представлять специфику конфликта. К тому же отправка в зону боевых действий неподготовленных журналистов - это преступление руководителей СМИ.

— А в нашей стране кто-то занимается подготовкой журналистов для работы на войне?

— В частности, этим занимается наша ассоциация. В 2003 году мы зарегистрировали проект "Бастион" по обучению журналистов правилам выживания в различных чрезвычайных ситуациях. Это межведомственные курсы, в которых инструкторами и экспертами, выступают специалисты из Министерства обороны, ФСБ, МЧС, МВД, МИДа, а также фронтовые журналисты и ветераны спецподразделений, имеющие большой боевой опыт. Журналисты приобретают навыки действий в сложнейших ситуациях, которые моделируются на полигонах: бой в городе, обстрел колонны, минная опасность, массовые беспорядки, захват заложников и другие. Проводятся также профессиональные мастер-классы. После курсов выдаются памятки, сборники рекомендаций для работы в экстремальных условиях, учебные фильмы, индивидуальные аптечки и сертификаты.

— А кто проводит мастер-классы?

— Профессионалы, выжившие в кризисных ситуациях, в том числе корреспонденты, операторы, фотокорреспонденты. В России сформировалась когорта военных журналистов: Александр Сладков, Александр Минаков, Антон Степаненко, Ольга Алленова и многие другие. Они вместе с дургими журналистами разбирают разные случаи. Например, в одном фильме есть кадры, когда корреспондент с камерой снял свою

смерть. Это было в Грозном. Во время боя он бросился бежать по открытой местности. Во-первых, надо бежать рваным бегом от укрытия к укрытию, а, во-вторых, в чем была такая необходимость смертельного риска? Очень сомнительной выглядела цель его перемещений. В центре площади в корреспондента попала снайперская пуля. Но он не последовал совету сопровождающий его офицера, который предлагал свою медицинскую помощь и требовал остановиться в укрытии. Журналист в состоянии аффекта продолжает двигаться дальше, и когда его настигла вторая пуля, перед смертью он успел произнести слова: "Он убил меня, он убил меня". Вместе с ним погиб и офицер. Таких примеров — пальцев рук не хватит.

— **Сколько журналистов прошло у вас обучение?**

— 150 человек. Это ничтожно мало.

— **А сколько журналистов работало в зоне грузино-югоосетинского конфликта?**

— По моим данным, более четырехсот, включая зарубежных корреспондентов.

— **Насколько эффективны ваши курсы?**

— Мы учим не только выживанию, но и адекватному взаимодействию с силовиками, прививаем азы профессиональной деятельности в сложнейших ситуациях в различных регионах мира. Наши выпускники не раз нас благодарили. В первую ночь из Цхинвали мне поступило множество звонков от разных журналистов, которые металась в панике, не зная, что делать, с кем связаться, как спастись. Повторяю, на войне должны работать только подготовленные журналисты.

— **А мне сказали, что журналисту необходимо знать только одно правило: не надевать военную форму, не ездить на военной технике, не носить оружие. Это так?**

— Международное гуманитарное право так трактует требования, предъявляемые к некомбатантам, то есть лицам, не причастным к боевым действиям. К ним относятся мирное население и журналисты. Если они нарушают эти правила, то подвергают себя опасности уничтожения как военные. Но помимо буквы закона, есть практика. На войне есть такие населенные пункты, куда кроме как на вертолете или бронетехнике проехать никак нельзя. Если перед журналистом стоит задача раздобыть информацию, то другого пути у него часто нет. Поэтому многие журналисты садятся на военную технику. А некоторые осознанно надевают военную форму, чтобы вместе с разведчиками выйти в дозор или с передовыми колоннами выдвинуться в район боевых действий. Эти журналисты понимают всю полноту опасности своих поступков и меру ответственности. Их кредо: честное освещение военных действий. В свое время американцы ввели термин "прикрепленные журналисты". Не так давно фотокорреспондент Newsweek вместе в американским военным подорвался на фугасе в Ираке. Но при этом надо отдавать себе отчет, что никакой репортаж не стоит человеческой жизни.

— **Какие-то санкции могут быть применены к руководителям СМИ, которые направляют в зону конфликта неподготовленных журналистов?**

— На Западе все это прописано в контрактах журналистов. Там в обязательном порядке перед отправкой в "горячие" командировки журналистов готовят, экипируют, страхуют и обеспечивают средствами защиты. У нас даже центральные каналы пренебрегают этими нормами. По репортажам журналистов из Цхинвали видно, что лишь единицы были защищены бронезилями. Некоторые были вынуждены брать "броники" камуфлированного цвета у миротворцев в нарушение норм международного права. Вину за гибель журналистов должны разделить и руководители СМИ. Это не должно пройти им даром. В ближайшее время, я надеюсь, будут внесены поправки в закон о СМИ, которые обяжут медиа-магнатов отвечать за подготовку и безопасность своих подчиненных, как на Западе. Там, если вдруг страховая компания выяснит, что журналист, который получил травму или был убит, не прошел специальной подготовки или не был обеспечен средствами защиты-бронезилями, то редактора ждет жуткое разбирательство, его могут просто разорить. А у нас такие вольности легко сходят с рук. Наши правозащитники вопяют по поводу участия в боевых действиях не прошедших полугодовой подготовку солдат-срочников, но ничего не пишут о журналистах, не прошедших и однодневной службы. А среди солдат только малая толика участвует в непосредственных боестолкновениях, а подавляющее же число журналистов в силу профессионального долга лезет именно на передовую. Я не понимаю, как руководитель СМИ может относиться к своим сотрудникам как к одноразовым вещам. Съездил, вернулся — хорошо, не вернулся — венки и все такое.

— **Какую роль в обеспечении безопасности журналистов играет взаимодействие с пресс-службами силовых ведомств?**

— Очень важную, поэтому мы приглашаем представителей информационных структур силовых ведомств на курсы и в качестве экспертов, и в качестве обучаемых. Курсы "Бастион" — это взаимообучающая система. На протяжении длительного времени главная информационная структура Министерства обороны РФ реформируется. Произошло радикальное сокращение на 50 процентов ее численности. Налицо отток специалистов, имеющих уникальный опыт организации информационной работы в боевых условиях. Даже таким профессионалам, как полковники Игорь Конашенков и Андрей Бобрун, сложно самоотверженной, круглосуточной работой компенсировать системные огрехи. Я уверен, что жизнь заставит силовые ведомства относиться к информационному обеспечению боевой операции, как и любому другому виду обеспечения, с должной ответственностью и вниманием.

Автор: Ольга Гуленок © Каспаров.Ру РАССЛЕДОВАНИЯ, МИР 👁 17875 13.09.2008, 09:28 📄 1183
URL: <https://babr24.com/?ADE=47485> Bytes: 16907 / 16739 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга Гуленок.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)